

Значительная доля заключенных в обществе как проблема

25 января 2017 года на Третьих Абрамкинских чтениях – встрече правозащитников и криминологов в память о Валерии Абрамкине – обсуждались перспективы изменения уголовной политики в России. Чтения были организованы Центром содействия реформе уголовного правосудия, Московской Хельсинкской группой, Институтом прав человека, Международным обществом «Мемориал» при поддержке Фонда Фридриха Науманна.

Мы публикуем текст выступления Искандера Ясавеева, старшего научного сотрудника Центра молодёжных исследований Высшей школы экономики (Санкт-Петербурга) о перспективах проблематизации значительного числа заключенных в России в свете финского опыта тюремных реформ. Подробные количественные данные и ссылки, которые использовались в выступлении, можно найти в [презентации](#).

На протяжении ряда лет с конца 1990-х мы со студентами Казанского университета обсуждали ситуацию в российских СИЗО и колониях. Эти дискуссии в значительной степени опирались на работы Валерия Абрамкина, а также книги Нильса Кристи, изданные Центром содействия реформе уголовного правосудия. Одной из отправных точек для нас было следующее утверждение Валерия Фёдоровича: «До 80 процентов наших преступников – это преступники ситуативные... Если таких людей поменять с кем-нибудь на воле – как бы случайным образом поменять, – то ни в тюрьме, ни на воле ничего не изменится». Валерий Абрамкин постоянно высвечивал абсурдно большое число заключенных в России, сравнивая ситуацию в России и в других обществах.

В настоящее время Россия по-прежнему является «страной тюрем», занимая первое место в Европе по доле заключенных в обществе, третье место в Азии и шестое место в мире (среди крупных стран). В начале 2017 года эта доля в нашей стране составляла 436 заключенных на сто тысяч жителей. Общее число заключенных – около 630 тысяч.

Абсолютное число заключенных	Относительное число заключенных (на 100 000 жителей) *среди крупных стран
1. США – 2 217 947	1. США – 693
2. Китай – 1 649 804	2. Туркменистан – 583
3. Россия – 630 155	3. Сальвадор – 568
4. Бразилия – 622 202	4. Куба – 510
5. Индия – 419 623	5. Таиланд – 450
6. Таиланд – 304 090	6. Россия – 436

Данные, доступные к 24 января 2017 г. Источники: ФСИН РФ и Институт исследований уголовной политики (Биркбек, Лондонский университет, <http://prisonstudies.org/world-prison-brief-data>)

Характерной чертой российской уголовной политики является акцент на суровости наказаний и длительных сроках лишения свободы, исчисляемых годами. По данным Федеральной службы исполнения наказаний, в 2015 году среди заключенных в российских колониях наибольшую группу (37%) составляли те, кто осужден на сроки от 5 до 10 лет. 23% заключенных осуждены на сроки от 3 до 5 лет.

При распределении по преступлениям, за которые люди наказаны, вторую по численности группу российских заключенных составляли осужденные за действия, связанные с наркотиками (134 245 человек). Их число сопоставимо с числом тех, кто осужден за убийство (144 432). Третья по численности группа – осужденные за кражу (75 245).

В основе репрессивности, свойственной российской уголовной политике, – множество факторов, в том числе представления граждан об отсутствии альтернатив тюрьме. Одним из популярных высказываний в России является фраза «вор должен сидеть в тюрьме». С 1979 года, времени выхода фильма Станислава Говорухина «Место встречи изменить нельзя», в котором она прозвучала, эта фраза стала подобной аксиоме. Между тем, в романе братьев Вайнеров «Эра милосердия», по которому был снят фильм, именно этой фразы нет. Капитан Жеглов в романе говорит: «Раз

Кирпич вор – ему место в тюрьме, а каким способом я его туда загоню, людям безразлично! Им важно только, чтобы вор был в тюрьме, вот что их интересует». В фильме суждение «вор должен сидеть в тюрьме» является нормативным, его звучание усиливается благодаря таланту Владимира Высоцкого. В настоящее время эту фразу можно услышать в кино, газетах, выступлениях политиков. Владимир Путин произносил её несколько раз в таком же безапелляционном ключе: «Что касается моего тезиса о том, что вор должен сидеть в тюрьме. А кто против? А что, он должен гулять по улице?..» (20.12.2012). Включение Путиным фразы «вор должен сидеть в тюрьме» в свою риторику отражает и усиливает её популярность.

На мой взгляд, к России полностью применимы слова финского криминолога Патрика Торнудда: «Есть весомые основания полагать, что в тех странах, где в тюрьмы отправляется непомерно большое число людей и где сроки лишения свободы аномально велики, людям причиняются ненужные страдания, а ресурсы расходуются неэффективно».

Каким образом можно обосновать проблематичность большого числа заключенных в России? Одна из возможностей, на которую указывали Нильс Кристи, Валерий Абрамкин, Тапио Лаппи-Сеппала, – сравнение доли заключенных в России со значением этого показателя в других обществах и объяснение существующих различий.

Доля заключенных в составе населения (на 100 тысяч жителей) в США и европейских странах. Данные, доступные к 24 января 2017 года. Диаграмма Тапио Лаппи-Сеппалы.

Крайне высокая доля заключенных в составе населения в России выделяется при сравнении не только с западноевропейскими странами, но и со странами, которые в прошлом были республиками в составе Советского Союза. По данным Института исследований уголовной политики, в Беларуси доля заключенных в обществе почти в полтора раза ниже российской (314 на 100 тысяч жителей), в Казахстане в два раза (221), в Украине почти в три раза (167). Если эти страны решают вопросы с преступностью, обходясь значительно меньшей долей заключенных в обществе, почему по этому пути не может пойти Россия?

В дореволюционной России число заключенных было относительно небольшим. В статье «Тюрьма» Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона указывается, что в 1894 году среднее ежедневное число заключенных равнялось 98 339 («исключая сахалинскую

каторгу, арестные дома и полицейских арестантских»). Чехов в «Острове Сахалин» приводит данные о том, что к январю 1890 года на Сахалине было 5905 каторжных. Сопоставление этих чисел с данными переписи 1897 года о населении России (129,2 миллиона человек) позволяет утверждать, что доля заключенных в обществе в 1890-е гг. составляла около 80 на сто тысяч населения. До революции Россия не была «страной тюрем».

Если согласиться с тем, что одна из целей общества – достижение достаточного уровня контроля над преступностью с наименьшими материальными и нематериальными затратами (формулировка Торнудда), то полезным при разработке реформы уголовной политики может оказаться опыт Финляндии. Имеется в виду не столько хорошо известный опыт организации тюремных условий, соответствующих жизненным стандартам за пределами тюрем, сколько опыт сокращения числа заключенных. В середине XX века относительное число заключенных в Финляндии было одним из самых высоких в Западной Европе. Доля заключенных в составе населения в Финляндии в 3-5 раз превышала долю заключенных в соседних скандинавских обществах. Однако во второй половине двадцатого столетия в Финляндии была проведена серия последовательных реформ, нацеленных на максимально возможную замену лишения свободы другими видами наказаний и сокращению тюремных сроков. В настоящее время Финляндия занимает одно из последних мест не только в Европе, но и в мире по относительному числу заключенных.

Современная структура наказаний в Финляндии такова, что около 60% всех приговоров судов – это решения о штрафах. Размер штрафа определяется исходя из тяжести действий и уровня дохода правонарушителя. Примерно четверть всех наказаний – условное лишение свободы. Реальные тюремные сроки составляют около 10-12%. Относительно новым видом наказания, ставшим еще одной альтернативой лишению свободы, являются общественные работы. Финские суды прибегают к лишению свободы редко, при этом преобладают короткие, по российским меркам, сроки – до двух лет. Почти все заключенные (99%) освобождаются условно-досрочно после половины или двух третей срока. Минимальный срок тюремного заключения, который необходимо отбыть для освобождения условно-досрочно, составляет 14 дней.

Основанием для финской реформы уголовной политики стало определение высокой доли заключенных в обществе как *проблемы*. В связи с этим важными представляются вопросы о том, каким образом возникло такое определение, кто определил численность заключенных как проблему и обеспечил принятие этого определения властями, что этому способствовало?

Понимание ситуации как неприемлемой возникло в результате дискуссий между скандинавскими и финскими криминологами в 1960-е годы. Её основные выводы, сформулированные Патриком Торнуддом и Инкери Анттилой, заключались в следующем:

- Цель уголовной политики – минимизация и справедливое распределение социальных затрат, вызываемых преступностью и контролем над нею.
- Тюрьмы не имеют никакого исправительного эффекта.
- Обществу необходимы тюрьмы только для подкрепления определенных норм поведения.
- Эта цель может быть достигнута без суровых наказаний, если обеспечивается неотвратимость наказания. В этом случае продолжительность тюремного срока имеет меньшее значение. Если потенциальный правонарушитель считает, что риск быть пойманным высок, то даже легкого наказания достаточно.
- Заключенные – это «козлы отпущения» существующей системы. Они страдают за тех правонарушителей, которые никогда не будут преданы суду, и за тех членов общества, которые не стали правонарушителями благодаря более благоприятным социальным условиям: хорошему образованию и пр. Поскольку заключенные служат примером, предупреждающим всех остальных, бремя, возложенное на их плечи и их семьи, должно быть ослаблено: сроки тюремного заключения должны быть сокращены, условия в тюрьмах должны быть хорошими, наказание в виде тюремного заключения должно состоять только в потере свободы. Заключенным следует помогать, если они этого хотят, и в тюрьме, и после освобождения. Финские криминологи подчеркивают, что бремя наказания несут не только заключенные, но и их семьи, и это необходимо учитывать.

Результаты этой дискуссии оказались востребованными и реализованными. Одна из особенностей финского общества – исключительная ориентированность на экспертов в вопросах уголовной политики. Как отмечал Патрик Торнудд, «возможность осуществить целый ряд реформ, нацеленных на снижение уровня репрессивности, стала реальностью только благодаря тому обстоятельству, что небольшие группы экспертов, ответственных за планирование реформ или занимавшихся темой контроля над преступностью в исследовательских институтах и университетах, были почти единодушны в убеждении: высокая по сравнению с другими странами доля заключенных в составе населения Финляндии является *позором*; можно значительно уменьшить число приговоров к лишению свободы и сократить его сроки без ухудшения положения дел с преступностью».

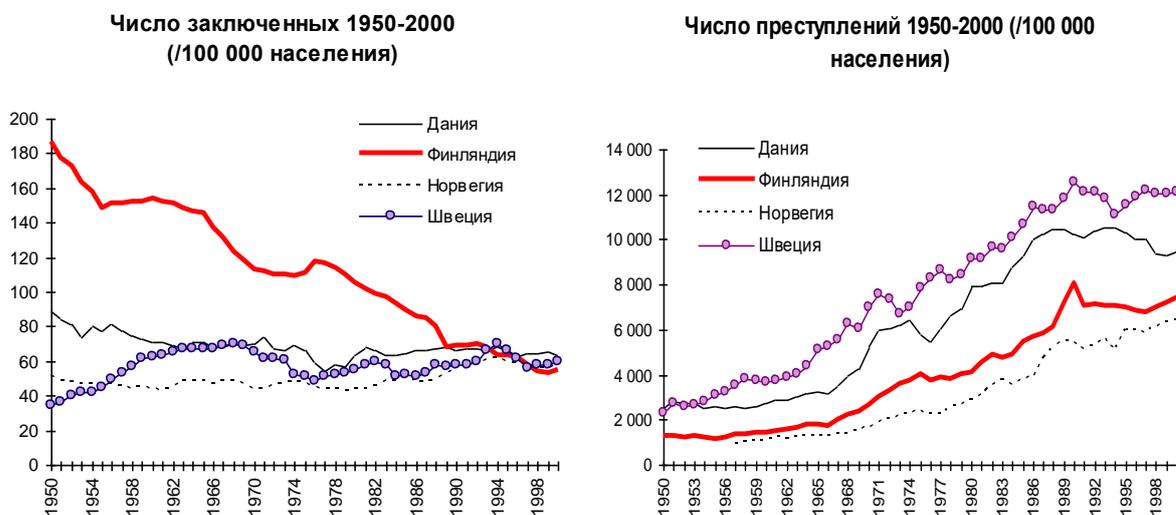
Другими факторами успеха реформ в Финляндии стали отсутствие карательного популизма среди политиков и медиа, поддержка реформ судебским корпусом, наличие «референтных обществ» в виде скандинавских стран, включенность уголовной политики в контекст социальной политики. Важное значение в Финляндии имела и до сих пор имеет идея: «Лучшей уголовной политикой является хорошая социальная политика», лучше вкладывать больше денег в школы, поддержку семей и социальную работу, чем в тюрьмы.

Еще одним важным обстоятельством, которое способствовало реформам, было общее понимание, что большое число заключенных является значительной и неоправданной нагрузкой на государственный бюджет.

На мой взгляд, главный урок финских реформ, важный для России, заключается в следующем: они отчетливо показали, что степень суровости уголовной политики и уровень преступности не связаны между собой.

Смягчение уголовной политики в Финляндии во второй половине двадцатого века не оказало никакого влияния на уровень преступности. Скандинавские страны очень схожи между собой в экономическом, социальном и культурном отношении, поэтому предоставляют уникальную возможность для сравнений. Совершенно различные тенденции изменений числа заключенных в этих странах во второй половине XX века, – указывает Тапио Лаппи-Сеппала, –

несколько не нарушили симметрию в динамике уровня преступности (см. диаграммы), что доказывает отсутствие связи между этими переменными.

Относительное число заключенных и уровни преступности с 1950 по 2000 г. Источник: Тапио Лаппи-Сеппала

Применительно к России это означает, что последовательное смягчение уголовной политики и сокращение числа заключенных уменьшат ненужные страдания людей и позволят сэкономить значительную часть федерального бюджета, но не приведут к росту преступности.